

ББК 81.411.2

В. Н. Карпухина

Типология когнитивных моделей текстопорождения и интерпретации текста: лингвоаксиологический аспект

V. N. Karpukhina

The Cognitive Models of Text Production and Interpretation: the Axiological Linguistics Aspect

Рассматривается эффективность разных типов когнитивных моделей, применяемых при текстопорождении и интерпретации текста или дискурса с точки зрения лингвоаксиологического подхода к исследованию объектов лингвистической реальности.

Ключевые слова: когнитивная модель, текст, дискурс, лингвоаксиология.

DOI 10.14258/izvasu(2013)2.2-32

Объектом рассмотрения в данной статье являются разные типы когнитивных моделей, используемых при текстопорождении и интерпретации текста или дискурса. В качестве предмета исследования выступает эффективность применения того или иного типа когнитивной модели в рассматриваемых процессах. Материалом исследования послужили тексты художественной литературы на английском и русском языках. Основной целью данной работы было выявление эффективности использования разных когнитивных моделей в процессе текстопорождения и интерпретации текста.

Провозглашаемый «когнитивистами третьего поколения» [1; 2] принцип обращения к внеязыковой реальности как единственному источнику знаний индивида вряд ли нашел бы поддержку у когнитивных лингвистов. Противопоставляя свою точку зрения психолингвистическому и психофизиологическому подходу к рассмотрению когнитивных явлений, Е. С. Кубрякова, например, полагает, что человеческий язык дает достаточные основания для формирования и функционирования когниции как таковой, поскольку проявления языковых знаний накапливаются именно в тексте и дискурсе [3, с. 50].

Создание комплексных моделей текстопорождения и интерпретации текста на базе лингвоаксиологических стратегий, используемых в данных процессах субъектом (автором или интерпретатором), дает возможность применения как аналитических, так и синтезирующих принципов моделирования лингвистической реальности. Максимально формализованные модели объектов лингвистической реальности (связанные с математическим, кибернетическим и про-

The article considers the efficiency of different cognitive models used in a text or discourse production and interpretation from the axiological linguistics point of view.

Key words: cognitive model, text, discourse, axiological linguistics.

чим конструированием) оказываются актуальными в тех случаях, когда речь идет о необходимости перекодирования с естественного языка на искусственный большого массива текстов. Однако в том случае, когда речь идет о реконструкции процессов текстопорождения и конструировании процессов интерпретации художественного текста, в качестве адекватных объектам моделей должны выступать достаточно сложные структуры, возможно, модели, включающие в себя другие модели.

Мы будем придерживаться, с одной стороны, семиотического понимания термина «модель», определяя ее как конструктор объекта, отражающий релевантные для интерпретатора объекта свойства (ср.: «Модель... не есть часть языка как системы, а представляет собой некоторое гипотетическое научное построение, некоторый конструктор. Необходимо строго различать модель, т. е. некоторый абстрактный объект, не зависящий от природы элементов, и ее лингвистическую интерпретацию» [4, с. 9]). С другой стороны, нам важно когнитивно-дискурсивное понимание термина «модель» как когнитивного коррелята определенного фрагмента лингвистической реальности. Т. А. ван Дейк, рассуждая о ситуационных/эпизодических моделях как операциональных единицах обработки дискурса, считает: «Хотя термин „модель“ обладает несколькими другими значениями, здесь он будет употребляться исключительно для обозначения специфического вида структурной организации знания в памяти... Модель представляет собой когнитивный коррелят ситуации» [5, с. 68–69].

Разделение всех типов моделей, с одной стороны, на формальные и содержательные [6; 7], а с другой —

на аналитические и синтезирующие [4] отражает саму сущность процесса моделирования, или конструирования, моделей. Интерпретатор некоего объекта (в данном случае — объекта лингвистической реальности) в зависимости от цели своего научного исследования может ориентироваться на онтологические характеристики объекта и избрать формальный тип модели, максимально обобщенно отражающей конструктивные черты какого-либо объекта (ван Дейк называет этот тип моделирования «абстрактными реконструкциями мира» [5, с. 74]). В другом случае интерпретатор может обратиться к конструируемому/реконструируемому содержательным характеристикам объекта (ср.: «Некоторый момент смысловой подвижности возникает... уже в анализе понятий структуры и модели» [6, с. 56]), когда модель понимается как некий идеальный образец [6, с. 52]. В ситуации анализа дискурса, например, формальный тип моделирования в большей степени присущ социолингвистическим исследованиям, содержательные модели выстраиваются в исследованиях семантических категорий дискурса или в так называемых «археологических» исследованиях исторической смены научных парадигм (как у М. Фуко) [7, с. 283].

В качестве оперативной единицы при анализе материала — текстов художественной литературы XX — XXI вв. на английском и русском языках как объектов лингвистической реальности — может быть избрана пропозиция. По своей природе понятие пропозиции является двусторонним: в плане языка она связана с предложением, в ментальном плане ее определяют как «ментальную модель события» [8, с. 44]. Таким образом, пропозиция оказывается, с одной стороны, наиболее общей моделью (ср. соотношение понятий «ментальная модель» и «когнитивная модель» как более общего и более частного [9, с. 97, 81–83]). С другой стороны, пропозиция как минимальная модель ментальных структур человеческого сознания оказывается достаточно эффективной единицей в операциональном плане: любая из когнитивных моделей может рассматриваться как состоящая из пропозиций, соединенных в определенном порядке каким-либо образом в определенном количестве.

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода понятие пропозиции уточняется за счет «более полного вовлечения в сферу анализа принципов восприятия мира: все внешние события, объекты, явления и т. п. воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, т. е. в их связях» [9, с. 137]. При исследовании процессов памяти человека сетевые пропозициональные модели или структуры «являются важнейшим средством репрезентации семантической памяти, схем, скриптов и других структур знаний» [9, с. 136] (см. также: [10]). Таким образом, пропозиция как минимальная модель структуры знаний может быть составляющей для следующей узловой

операциональной единицы когнитивной системы человека — схемы. Ч. Филлмор определяет ее как «одну из концептуальных структур, которые соединяются в нечто единое при категоризации действий, институтов и объектов, а также для обозначения различных репертуаров категорий, обнаруживаемых в наборах противопоставлений, прототипных объектах и т. д.» [11, с. 110]. Можно вполне определенно предположить, что пропозициональные структуры являются универсальными глубинными структурами, способными выступать в качестве межъязыковых универсалий. С нашей точки зрения, именно поэтому А. Нойберт, обсуждая когнитивные модели, использующиеся при переводе текста с одного языка на другой, полагает: «Хотя определения термина „схема“ могут быть различными, схему обычно соотносят с той частью сценария, которая может рассматриваться как наиболее абстрактная модель объектов, событий, состояний и процессов, связанных временными, пространственными или причинно-следственными отношениями» [12, с. 68]. Считается, что наиболее часто к понятию «схема» прибегают в компьютерном моделировании интеллекта для изображения отношений между концептами в виде графа [9, с. 179]. А. Нойберт определяет когнитивные схемы как составные части следующих, занимающих более высокую иерархическую позицию когнитивных моделей — сценариев. Однако термины «фрейм» и «схема» иногда оказываются взаимозаменяемыми, на что обращают внимание и сами исследователи [11; 5].

В некоторых ситуациях подобная взаимозамена происходит с терминами «сценарий» и «фрейм»: «...именно концептуальные фреймы (можно назвать их и „сценариями“) определенным образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей» [5, с. 17]. В качестве примера «концептуального фрейма», или сценария, может быть приведен пример «традиционного английского чаепития». Его время, участники, ритуализованная последовательность заданы определенным концептуальным стереотипом, относительно которого может оцениваться сценарий «безумного чаепития» в «Приключениях Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла (исчезнувший временной параметр превращает ритуал в бесконечно длящийся абсурд) или сценарий неудачного чаепития Винни-Пуха и Пятачка в гостях у Кролика в повести А. А. Милна (не соблюдается ритуал, участники ведут себя неправильно, нарушение временных параметров ведет к пространственным коллизиям).

В более поздних работах Т. А. ван Дейк сближает со сценариями так называемые «ситуационные модели», разработанные им совместно с В. Кинчем. Возможно, отчасти различие между двумя когнитивными моделями проясняет А. Нойберт: рассматривая сценарии как механизмы, активирующие фрей-

мы в текстах, Нойберт тем самым определяет обе когнитивные модели как динамические (ср. рассмотрение фрейма как парадигматической и синтагматической, динамической и статической модели интерпретации текстопорождения и интерпретации текста в: [13]), хотя стоит согласиться и с его интерпретацией фрейма как статической когнитивной модели [12, с. 65–66].

Сближая фреймы в социолингвистическом понимании с данной сознанию лингвистической реальностью, А. Нойберт метафорически определяет их как ткань, из которой сотканы тексты [12, с. 60]. В рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации когнитивная деятельность переводчика определяется Нойбертом как *framing*: «Переводчик на самом деле переводит воплощенные в тексте ассоциативные структуры, а не слова. Переводчик может произвести замену тех знаний, которые меняются, когда текст на одном языке воспринимается аудиторией другого языка» [12, с. 67].

Однако мы считаем, что фреймы все-таки являются наиболее эффективными с операциональной точки зрения когнитивными моделями представления знаний, но не собственно лингвистической реальностью, в каком бы варианте (статическом или динамическом) они ни выступали при построении модели текста. Фрейм как статическая когнитивная модель понимается М. Минским: «Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации... Его можно представить себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними. „Верхние уровни“ фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин — терминалов, или „ячеек“, которые должны быть заполнены характерными примерами, или данными» [14, с. 7]. В концепции Минского представлено исчерпывающее описание фрейма как универсальной ментальной структуры, которое может быть использовано и для конструирования фрейма, и для его реконструкции в процессе интерпретации текста или ситуации действительности. С нашей точки зрения, современные отечественные исследователи фреймовой семантики (Ю. Н. Караулов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, В. В. Красных) принимают за основу именно концепцию М. Минского, хотя, безусловно, ими учитываются и плодотворные идеи Ч. Филлмора о глаголе как центре фреймовой структуры и о самом процессе интерпретации текста с помощью фреймов. При текстопорождении и при интерпретации текста фреймы выполняют различные функции. При порождении текста в сознании автора происходит процесс «конкуренции фреймов» — выбор одной определенной структуры знания из «набора» структур для представления смысла в тексте.

При интерпретации текста происходит обратный процесс: на основании активированного в тексте фрейма интерпретатор выдвигает гипотезы о возможном «наборе» конкурирующих фреймов (субфреймов). Постоянная процедура выбора из некоего набора вариантов осуществляется в процессе фреймирования текста: «Если языки — это виртуальные системы, то тексты — это системы реальные. Они реальны потому, что заставляют создающих и переводящих текст постоянно делать выбор из элементов языкового репертуара, чтобы активировать элементы репертуара знаний» [12, с. 60].

Выделяя разные типы фреймов, исследователи, к сожалению, не придерживаются какого-либо одного основания классификации, поэтому типология фреймов до сих пор детально не разработана. А. Нойберт в рамках обсуждения переводческой деятельности в области межъязыковой коммуникации выделяет три типа фреймов, оперирование которыми как когнитивными моделями является прагматической необходимостью для переводчика. Это когнитивные фреймы (*cognitive frames*) [12, с. 60–61], называемые также фреймами знаний (*knowledge frames*), которые по своей структуре напоминают семантические поля, а с лексико-семантической точки зрения позволяют доступ к знаниям как универсальные для разных языков структуры. Например, фрейм *полета*, организованный вокруг концептов ЛЕТАТЬ в русском языке и TO FLY в английском языке, предполагает в качестве актанта-агенса либо птицу (ср. прототипическое понятие *птицы*, в ядерную зону которого вряд ли будет отнесен *страус*), либо механизм, созданный человеком (*самолет*, *вертолет*, *дельтаплан*). В последнем случае употребление человеком формы 1-го л. ед. ч. *Я лечу / I'm flying* будет включать в себя импликацию *Я лечу в чем-либо / на чем-либо*: на самолете, на дельтаплане и т. п. Однако в «возможном мире» текста повести «Peter Pan» Дж. М. Барри и его перевода на русский язык актантом-агентом оказываются люди (маленькие дети), и носителями обоих языков (английского и русского) это воспринимается как нарушение семантической пресуппозиции, вполне допустимое в условном мире текста детской художественной литературы. Таким образом, в адекватно воспринимаемый носителями обоих языков фрейм *полета* вводится новый квант информации: все дети с рождения знают, как летать, а став взрослыми, забывают.

Следующий тип фреймов, который выделяет в своей работе Нойберт, — культурные (*cultural frames*) [12, с. 61–62], которые требуют от переводчика создания ментальной или когнитивной карты (*mapping*) ассоциативных соответствий с базовыми концептами разных языков, поскольку ассоциации чаще всего оказываются различными. Культурно обусловленные фреймы в качестве когнитивных моделей наиболее

показательно могут быть представлены в тех случаях, когда переводчик неверно понимает или передает культурно-специфическую информацию текста оригинала (то, что Нойберт называет *the source text frames* (фреймы текста оригинала) [12, с. 61]). Так, в качестве наполнителя терминала агенса у фрейма ЗАНИМАТЬСЯ ИЗВОЗОМ в русском языке могут выступать разные лексемы-наименования агенсов-извозчиков (*ванька, лихач, голубчик* и т. п.). При этом лексема *ванька* в русском языке утратила отнесенность к именам собственным, что может оказаться неизвестным или непонятым носителю другого языка. Э. Бромфильд, переводя на английский язык роман Б. Акунина «Азazelь», не опознает культурно-специфическую реалию, соотносящуюся с фреймом ЗАНИМАТЬСЯ ИЗВОЗОМ: «Полиция», — *sheпнул он сонному вaньке в картузе и ватном кафтане. — «Быстро вон за тем экипажем!» — «Police,» he hissed at the drowsy Ivan in a peaked cap and padded caftan. «Quick, follow that carriage!»*. В результате возникает переводческая ошибка (наименование самого дешевого типа извозчика оказывается именем собственным этого извозчика).

Как нам представляется, культурно обусловленные фреймы могут выступать в качестве разновидностей фреймов знаний. Последние противопоставляются еще одному базовому типу фреймовых структур, важных для процесса интерпретации текста в рамках межкультурной коммуникации. Это так называемые интеракционные фреймы (*interactional frames*) [12, с. 62–63]. Если фреймы знаний отражают социально обусловленные когнитивные структуры, связанные со специфическим лингвистическим обеспечением воплощения этих структур, то интеракционные фреймы обеспечивают человека планом действий (*recipies*) при порождении и интерпретации текстов [12, с. 62]. В этом смысле понятие «интеракционный фрейм», несколько иначе используемое в социальных науках, может быть, с нашей точки зрения, сближено с понятием «лингвистическая пресуппозиция» (ср.: [15, с. 15]): человек обычно обладает знанием кодировок разных алфавитов и разных способов письма (арабский — европейский тип письма, аранжировка на листе поэтического — прозаического текста и т. п.), которое он использует при необходимости интерпретации текста и текстопорождения. Например, в прозаическом тексте детской художественной литературы носитель любого языка ожидает (так называемое установочное знание, «ожидание») увидеть чередующиеся фрагменты прозаического и поэтического текста, что со времени восприятия устной народной сказки осознавалось как показатель занимательности повествования. «Переключение» жанровых кодов (проза — поэзия) внутри семиосферы одной культуры задействует интеракционные фреймы привлечения/переключения внимания аудитории, при этом

учитываются возрастные психологические особенности аудитории детской художественной литературы, чаще всего воспринимаемой вначале в аудиальном режиме.

Классификация типов фреймов, предложенная А. Нойбертом, не является исчерпывающей, наименования типов фреймов не всегда представляются достаточно удачными. Термин «когнитивный фрейм» относится к такому не совсем удачному варианту наименования структуры: все фреймы являются когнитивными моделями. Возможно, это ощущал и сам автор классификации, поскольку было предложено второе название данных структур — фреймы знаний. Так называемые культурно обусловленные (*cultural*) и интеракционные фреймы могут рассматриваться в качестве разновидностей фреймов знаний, хотя они, безусловно, не исчерпывают все типы существующих фреймов. В качестве альтернативной классификации типов фреймов может быть рассмотрена имплицитная структурно-типологическая классификация фреймов в работах Т. А. ван Дейка [5, с. 16–24]. При этом стоит отметить, что обе классификации типов фреймов (А. Нойберта и Т. А. ван Дейка) могут быть далее уточнены и детализированы в зависимости от задач исследования.

Называя фреймом «специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруживаемых в схемах» [11, с. 110], Ч. Филлмор встраивает такую модель, как фрейм, в парадигму перечисленных выше моделей. Возможность представить фрейм в качестве статической, парадигматической когнитивной модели (как набора имеющихся в определенном тексте предикатов и их актантов) представляется нам достаточно эффективным способом «исчисления» тех значимых в когнитивном отношении текстовых структурных единиц, которые формируют базу для последующих текстовых интерпретаций.

Представление фрейма как динамической, развертывающейся сетевой когнитивной модели позволяет нам увидеть разворачивающиеся структуры текстовых смыслов в самом процессе текстовой интерпретации. Разные текстовые фреймы, соединяясь определенным образом в глобальные фреймовые структуры (глобальные фреймы/макрофреймы) (ср.: [13]), формируют «возможные миры» текстовых смыслов как фрагменты разных семиосфер. В качестве таких «возможных миров» могут выступать внутренние миры автора и интерпретатора.

Таким образом, в процессе линвоаксиологического исследования типов когнитивных моделей, используемых при текстопорождении и интерпретации текста, выстраивается следующая иерархия когнитивных моделей текста или дискурса: «возможный мир» — фрейм — сценарий (сцена) — схема (скрипт) — про-

позиция. При этом каждая из конструируемых/реконструируемых моделей может быть представлена в динамическом и статическом вариантах в зависи-

мости от лингвоаксиологических стратегий, лежащих в основе процесса моделирования смыслов текста или дискурса.

Библиографический список

1. Кравченко А. В. Знание, языкознание и язык // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. — Иркутск, 2009.
2. Коули С. Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. — Иркутск, 2009.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М., 2004.
4. Ревзин И. И. Модели языка. — М., 1962.
5. Дейк Т. А. ванн. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
6. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. — М., 1982.
7. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX века*. — М., 1995.
8. Шмелева Т. В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева // *Филологические науки*. — 1983. — № 3.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1997.
10. Schank R. C., Childers P. G. *The Cognitive Computer. On Language, Learning, and Artificial Intelligence*. — Reading, Massachusetts ; Menlo Park, California ; Amsterdam, 1984.
11. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // *Новое в зарубежной лингвистике*. — Вып. 14. — М., 1983.
12. Neubert A., Shreve G. *Translation as Text*. — Kent (Ohio); London, 1992.
13. Карпухина В. Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста. — Барнаул, 2008.
14. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М., 1979.
15. Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой (Логический, языковой и прагматический аспекты). — Ростов на/Д., 1992.